

«Подводить черту, считаю, рано»

Свою творческую карьеру Александр Бурдонский начинал в годы хрущевской оттепели, когда страна бурлила разоблачениями культа личности Сталина. Для него - внука вождя - это было не самое подходящее время, чтобы заявить о себе, о своем вхождении в искусство. И вот уже 30 лет, как Александр Бурдонский работает в Театре Российской армии. За это время им поставлено свыше 30 спектаклей, многие из которых получили высокую оценку зрителей и прессы. Среди них: «Дама с камелиями», «Орфей спускается в ад», «Мандат», «Последний пылко влюбленный», «Британик», «Приглашение в замок»...

Мы беседуем с Александром Васильевичем накануне его 60-летия.

- Я не хотел отмечать свой юбилей, но товарищи настояли...

Подводить итоги, какую-то черту, считаю, рано. Я в работе, в пути. Конечно, годы дают о себе знать. Но чувствую себя человеком достаточно сильным.

- То, что вы стали режиссером, было запрограммировано с детства или, как это часто бывает у творческих людей, здесь игра случая!

- Каждый случай - тоже запрограммированная закономерность. Я не мечтал стать режиссером, даже не знал, что это такое. Но хотел быть актером с тех пор, как впервые увидел на сцене Большого театра легендарную Уланову. А когда вскоре посмотрел «Учителя танцев» в моем ныне родном Театре Российской армии, буквально заболел театром. И, окончив школу, поступил в студию МХАТ к Олегу Ефремову.

А режиссурой я заинтересовался позже. Она привлекла тем, что дает возможность прикоснуться к множеству судеб. Выбором профессии я во многом обязан знакомству с такими выдающимися мастерами, как уже упомянутый Олег Николаевич Ефремов, Анатолий Васильевич Эфрос и Борис Александрович Львов-Анохин. Это лучшие режиссеры Москвы второй половины века. И когда после окончания школы-студии МХАТ мне предстояло окончательно определиться со своей будущей профессией, я по совету Еф-

ремова поступил на режиссерский факультет ГИТИСа.

Здесь мне выпало счастье, какое выпадает не каждому. Я попал к Марии Осиповне Кнебель - выдающемуся, я не боюсь этих слов - великому педагогу. Встречу с ней считаю главным, определяющим в своей жизни. Мария Осиповна была талантливым режиссером, человеком высочайшей культуры. Я учился у нее, а затем многие годы работал с ней. Уже тринадцать лет, как не стало этой замечательной женщины...

- Некоторые считают, что в вас погиб актер.

- Знаете, в молодости действительно безумно хотелось играть. Когда я кончал ГИТИС, Юрий Александрович Завадский пригласил меня в свой Театр имени Моссовета на роль Гамлета. Кто из молодых актеров отказался бы от такого лестного предложения? Но Мария Осиповна Кнебель, очень мудрый, очень умный человек, видела во мне именно режиссера и охладила мой пыл.

- Саша, - сказала она, - вы можете быть режиссером, эта профессия намного богаче. А захотите что-то сыграть, - такая возможность у вас всегда будет.

Я очень доверял ей и, поперевивав немного, согласился. И не жалею. А играть потом действительно приходилось, правда, не так часто: что-то в своих спектаклях, когда требовалось заменить актера, что-то в спектаклях других режиссеров.

- Какие из спектаклей, что вы поставили на сцене Театра Российской армии, вы считаете для себя наиболее значимыми, может быть, этапными!

- Мне трудно сейчас выделить какую-то одну работу. Они все мне дороги. Мог бы вспомнить сейчас «Снеги пали». Эта работа связана со старшим поколением нашего театра и посвящена людям, прошедшим войну, людям, которых чту и глубоко уважаю. Или, скажем, я очень люблю «Даму с камелиями». Может быть, потому, что там есть вечная тема человеческого сердца. Или, к примеру, «Мандат» Эрдмана, трагикомедия нашей жизни. Удивительно написана. Спектакль пользовался большим успехом. Мог бы еще назвать «Британика» Рисина или «Без вины виноватых», поставленных мною в Малом театре.

- За рубежом ничего не ставили!

- Приглашали много раз и сейчас приглашают. Но я отношусь к этому прохладно. Не знаю, может, я домосед или не хватает воли... Выбирался вот только в Малый театр, в Белоруссию, в Литву на два спектакля. Это все как-то рядом. Есть предложения из Швеции, Франции, Японии. Но пока отказывался.

- А ваша непростая родословная помогала или мешала в жизни, в работе!

- Сложность моей жизни помогла мне сформироваться как человеку. Но чтобы моя родословная помогала мне? Сохрани Бог! Такого не было и быть не может. А вот трудности она создавала мне немалые. И до сих пор создает. Моя творческая жизнь сложилась. А ведь этого могло и не случиться, мне могли бы не позволить работать. И такие порывы сразу после окончания ГИТИСа были. Боялись, не знали, что со мною делать, хотя я вуз заканчивал с блеском. К счастью, нашлись люди, которые интересовались не анкетными данными, а тем, что я собой представляю.

- Как вы относились раньше и как сейчас относитесь к Сталину - все-таки это ведь ваш дед!

- Видите ли, в детстве я его совсем не знал, ни разу не видел. Он был для меня чужим человеком. Я знал, что он существует - и только. Позже, когда начал понимать все, что связано с его именем... Конечно, это была выдающаяся личность. Но как человеческий тип - это абсолютно чуждая мне фигура.

- Что предстоит сделать в этом театральном сезоне!

- Репетирую два спектакля:

«Сида» Корнеля и «Арфу приветствия» Михаила Богомольного с Алиной Покровской - блестящую, очень оригинальную пьесу. Начну репетиции по одной из пьес Ибсена с Людмилой Чурсиной и Ольгой Богдановой в главных ролях. Собираюсь еще заняться педагогической работой вместе с Элиной Быстрицкой. Весной, возможно, в Японии буду ставить чеховскую «Чайку». Планов много. Дай Бог, чтоб хватило сил все их выполнить.

Борис ВОЛОДИН.

На снимке: А. Бурдонский на репетиции «Британика».